

К ЮБИЛЕЮ ПОБЕДЫ
И К ЮБИЛЕЮ ФИЛЬМА
НА ВСЕ ВРЕМЕНА
РАССКАЗЫВАЕМ
О ЛЕГЕНДАРНОЙ И, УВЫ,
НЕ УСТАРЕВАЮЩЕЙ
КАРТИНЕ МИХАИЛА
РОММА
«ОБЫКНОВЕННЫЙ
ФАШИЗМ»

Откуда выползает фашизм

Лариса

Малюкова

Все началось с совпадения

Два киноисследователя — Майя Туровская и Юрий Ханютин — отсматривали в Белых Столбах для своих книг старую хронику: предвоенную и военную. И перед ними разворачивались зловещий пролог и кровавый эпилог грандиозной исторической драмы, охватившей весь мир.

С предложением сделать фильм-размышление о том, как и почему в середине XX века родилось и расцвело всеми цветами зла это чудовищное явление, они пришли к уважаемому кинематографической молодежи современному классику Михаилу Ромму.

Два года кропотливой работы команды из 13 человек. Тонны редчайшей хроники (прежде всего — колоссальный архив Геббельса, материалы киноархивов министерства пропаганды гитлеровской Германии), трофейные кадры, съемка советских операторов, а также многочисленные личные любительские снимки, обнаруженные у военнотружущих вермахта и СС.

Фильм и начинается с долгого перечня архивов, музеев, в том числе мемориалов в концлагерях. И Ромм говорит о том, что многое они не смогли показать, потому что многое важное, страшное — не оставило следов на пленке. Ну такой у профессиональных убийц и организаторов массовых экзекуций обычай.

Из моря хроники выбирали кадры для размышления.

Впервые в мировом кино решились создать документально-художественное исследование сложнейшей и для историков проблемы: как происходит дикая трансформация, когда отдельный человек становится частью тоталитарной машины? Каким образом можно отравить целый народ человеконенавистнической идеологией?

Хлесткие контрасты — эмоциональные удары-столкновения, монтаж времен и географий, интонаций, мыслей — прин-

цип построения документальной киноистории.

Монолог от первого лица

Фильм начинается с умильных детских рисунков, планов с взволнованными абитуриентами у стен вузов, детишек на улицах города... Все оборвется выстрелом — в точно такую же маму с точно таким же малышом — всего лишь несколько десятилетий назад. И дальше от кадров с телами убитых малышек и их мам, гор тел изможденных узников — очень хочется отвернуться.

И тут мы слышим голос автора. Такой домашний, внушающий доверие. Ноль привычного официоза. Словно Михаил Ильич Ромм сейчас вместе с нами в этой комнате смотрит фильм и комментирует увиденное: изумляется, ужасается, иронизирует.

Это очень важно. Честно. Это монолог от первого лица.

Он передает свое ощущение от посещения вот этого концлагеря, в ворота которого вошли и не вышли больше миллиона человек. Вот эта запачканная ванна начальника крематория когда-то нежила его. Вот это подробный дневник служителя лагеря, перемежающего казни и обильные застолья с вином. (Подобное мы увидели в прекрасном фильме Глейзера «Зона интересов».) А за вот этим стеклом — две тонны женских волос, свалывшихся как войлок: женщин брили перед казнью. Фашисты вообще были страшно рачительными. Все материальное описывалось и сохранялось. Тысячи протезов, гора детских ночных горшков — их привезли мамы тех самых убитых малышек.

Тема детей, кстати, один из главных лейтмотивов фильма. Дети — жертвы, с одной стороны. С другой, путь от чистоты открытого миру ребенка — к вполне взрослому недочеловеку, нечеловеку.

Аккуратный холм из пепла и костей миллиона человек. Вот в этих стенах

Госкаталог.рф / Музей кино

Михаил Ромм

умирали тысячи и тысячи, а теперь на них туристы оставляют свои имена и дурные надписи (думаю, из этого эпизода и вырос фильм Лозницы «Аустерлиц»). Катастрофа стала исторической и туристической достопримечательностью.

Одна из глав посвящена фюреру. Авторы фильма разоблачают в очередной раз миф о демократическом приходе сначала благочинного, но потом «взбесившегося мелкобуржуа» к власти. Вспоминают о подкупе президента республики Гинденбурга (речь все же идет о двух миллиардах марок, Гинденбург не продешевил), о главной опоре партии — штурмовиках, слеты которых тоже обходились в копеечку крупному капиталу, но крупному капиталу нужен был диктатор.

Откуда выползает фашизм

Он поначалу держится скромно. Но постепенно обучается, так сказать, единоличному руководству. Репетирует перед зеркалом, отрабатывает взгляды, повороты головы, жесты (эти фото из огромной коллекции личного фотографа Гитлера — Генриха Гофмана, их связывали дружеские отношения, он и познакомил фюрера с Евой Браун).

Тон у Ромма, конечно, издевательский, но он не показывает Гитлера безумцем, напротив — попавшим в струю мелким функционером с манией величия, и даже его истерики — электрическое усиление продуманных кульминаций речей, в которых банальности компенсируются кипятком энергии, заразной эмоцией, взаимопитающей трибуна и толпу.

Формулирует основы своей незамысловатой идеологии: личность — ничто, народ — масса, а масса, как женщина, любит силу. Один человек ничего не стоит. То ли дело море. Море рук, протянутых к трибуне с фюрером (этот кадр воспроизвел и переосмыслил Сокуров в своей фантазмагорической фреске «Сказка»). Академия права провозглашает: «Любовь к фюреру — обязательное правовое понятие». Значит, за нелюбовь будут судить

Идея превращения человека в восторженное (непреренно восторженное) «ничто» — продуктивна. Мы движемся, ведомые голосом автора, обнаружившего в хронике — отпечатках времени — этапы превращения людей в толпу.

И по городам уже шагают с факелами в руках крепкие солдаты Урфина-фюрера, олицетворяя древнюю мужскую силу, «очищают дух Германии». Возбужденные студенты несут на площади «духовную отраву»: жгут — не вчитываясь — книги Фрейда, Горького, Ремарка, Хемингуэя, Лондона, Бабея. У вредной литературы нет национальности — ее надо безжалостно уничтожать. Как и всех тех, кто думает иначе, чем возлюбленный нацией Адольф. Один бог, один враг — неарийцы.

Фашизм выползает, по мнению Ромма, из национального чванства. Немец — лучше других, а значит, лучше всех. Немецкий национализм — питательная среда для доктрины смерти, он отравляет невидимым газом ненависти и презрения к другим воздух страны Гете и Шиллера, насыщает скорбным бесчувствием и ражем от осознания собственного величия.

Это еще только прелюдия перед большой программой истребления других народов.

Но исподволь уже идет тотальная подготовка к радостному докладу об уничтожении всего еврейского населения Варшавы, выдавленного из гетто, отправленного в лагерь смерти.

Гитлер провозглашает, что он и есть партия, он — больше, чем партия. И в какой-то

вой радостной жизни. Фашизм — обыкновенный и заурядный, как привычный вывих, — прорастает в будни обывателя новой нормой, нормализацией зла.

И только катастрофическое фиаско на поле битвы умерит жар ликования, горячку эпической диктатуры. Жертвы, жертвы... За что?

И вот уже последняя речь Геббельса — а в зале другие лица. Может быть, впервые думающих. Сомневающих. Заглядывающих в себя.

Отдельная глава посвящена немногим «другим немцам», которые противостояли фашизму, уходили в подполье, хотя бы не выказывали ажитированной рьяной поддержки.

Вышла мощная гуманистическая фреска, пропитанная горечью, болью

У вредной литературы нет национальности — ее надо безжалостно уничтожать. Как и всех тех, кто думает иначе, чем возлюбленный нацией Адольф

момент это фантастическое утверждение становится реальностью: партия — больше, чем народ, Гитлер — больше, чем партия. «Фюрер приказал — мы исполняем».

Геббельс дает наставления писателям — о чем писать. В музеях выставки портретов Гитлера и его окружения. Марика Рёкк отбивает чечетку счастли-

и сарказмом человека XX века. Конечно, во многом это авторский мудрый взгляд Михаила Ромма.

Этот голос, который задал интонацию фильму, возник почти случайно. Думали о дикторе, который объяснил бы происходящее на экране. Искали голос. Думали о Смоктуновском. А пока на рабочих

Кадр из фильма «Обыкновенный фашизм»

просмотрах сам Ромм объяснял эпизоды устно, как придет в голову. Своим соавторам, заглядывающим в монтажную к Чухраю, ученикам, Андрею Смирнову, Ларисе Шепитько.

Что не получилось

Сам Ромм говорил, что ему не хватало в гигантском материале, в километрах хроники — два миллиона метров пленки — жизни обывателя: «Нашим героем был маленький человек, немецкий обыватель. Сначала он колебался, не знал, к какому берегу его прибьет, — его прибывало в конце концов к фашистскому лагерю, а мы продолжали следить за тем, как он превращается в навоз для Третьего рейха. Мне это нравилось. Мы так и назы-

вали его: «наш герой» — «наш герой стоит на обочине», «наш герой видит это шествие»... Но нашего героя не оказалось. Его никто не снимал!»

В самом деле — снимали что? Парады, шествия, митинги, снимали мюзик-холлы и фокстрот, спортивные состязания. То есть сплошная витрина. И лишь крохи пленки запечатлели бытование бюргера, будни Третьего рейха, непарадную действительность: кухни, кафе, газетные киоски, рабочие кварталы, рынки. Авторы «Обыкновенного фашизма» приходят к выводу, что эта жизнь обычных людей была вообще за пределами интереса и киношников, и власти.

Сегодняшние редкие зрители картины (ее практически не показывают по телевизору, не идет она и на повторных показах в кинотеатрах) упрекают создателей в том, что они практически ничего не говорят

о геноциде евреев. Это неправда. Да, авторам практически запретили произносить слово «еврей», тема Холокоста в СССР замалчивалась по идеологическим причинам, «Черную книгу» не выпустили даже в потеплевшие 60-е. Но авторы находят способ показать Холокост без слов.

Надо понимать, что это кино — взгляд на недавнюю историю, на мир и на фашизм из шестидесятых. Уже состоялась скандальная встреча Хрущева с интеллигенцией. Уже начали корежить «Заставу Ильича».

Откуда выползает фашизм

Стратегия показа

Все понимали, что у «Обыкновенного фашизма» по многим причинам мало шансов выйти на экраны.

Помогло участие в создании картины консультанта Эрнста Генри, старого разведчика, коминтерновца, очень советского по духу, но понимающего тайные пружины чиновничьего царства. Это он порекомендовал Ромму игнорировать обычный путь сдачи фильма редакторам Госкино. А сразу идти в ЦК.

Вот как об этом вспоминала Майя Туровская: «Тогда был новый отдел соцстран, заведовал им Андропов, который еще не был в КГБ. Он набрал молодых людей, которые отличались от прежних тем, что они были образованные, знали языки своих стран. Он им велел дружить с интеллигенцией. ...Это были так называемые андроповские мальчики, их тогда так называли, — Бовин, Овчинников, их там была целая куча. ...Михаил Ильич пригласил их отдел на просмотр картины, это было на «Мосфильме». Нас он тоже на этот просмотр провел. И мы смотрели картину вместе с ними, они были, может быть, первые посторонние зрители. Они были, естественно, совершенно потрясены картиной. Там выработали такую стратегию, что картину не показывают началству, Госкино и так далее... Фильм приглашают на Лейпцигский кинофестиваль (ноябрь 1965-го)... Вот тогда ее посмотрел Ульбрихт (первый секретарь ЦК Социалистической партии Германии). Ульбрихт и братская компартия в лице ее первого секретаря ЦК СЕПГ разрешили картину, и она вернулась сюда уже разрешенной».

Существует легенда, что Суслов, просмотрев фильм до премьерного показа и усмотрев в нем параллели между советской и фашистской системами, вызвал к себе Ромма и спросил его: «Михаил Ильич, за что вы нас так не любите?»

Сами авторы неоднократно говорили, что снимали свое кино, имея в виду лю-

бые виды тоталитаризма. Майя Туровская называла главной причиной возникновения фашизма вакуум смысла. В такой момент важно иметь врага, на которого можно свалить все беды: еврей, чуждый класс, да просто — чужой. При этом сами авторы были абсолютно убеждены, что победить фашизм в тот момент, кроме СССР, не мог никто. А пространство до Урала из Третьего рейха виделось исключительно пространством для завоевания и колонизации.

Мировая премьера фильма об «обыкновенном фашизме» — в Германии (в ГДР. — Ред.). На том самом знаменитом Лейпцигском фестивале документальных фильмов картину представлял сам Ромм. Там же была делегация из Западной Германии — 150 человек. Когда фильм закончился, в зале наступила тишина. Ромм дико перенервничал:

«Тысячи человек сидели на местах... и молчали. Я не понимал, что означает это молчание. Это был первый массовый просмотр картины за рубежом. Кончились надписи, переводчик объявил конец картины: «Шлюс». Медленно зажегся свет, закрылся занавес. Тысячи человек молчали. Я стоял в ложе и старался понять, что происходит. А происходило то, чего я так хотел добиться, — люди думали. Они думали еще минуту после того, как зажегся свет. Но для режиссера картины такая минута кажется годом. Потом раздались первые несмелые аплодисменты, потом кто-то заметил меня. Весь зал встал, и мне устроили овацию».

Фильм немного попридержали, но все же выпустили в СССР. На сеансы черно-белого документального кино образовались гигантские очереди. Не так уж много времени прошло со дня окончания страшной войны. Зрителей эта история волновала. Люди нуждались в таком эмоциональном осмыслении трагедии, которая каса-

лась каждого. Люди узнавали среди жертв Освенцима близких.

Вскоре после выхода «Обыкновенного фашизма» Майя Туровская сделала книгу по фильму, которую заказала уважаемая редакция «Искусство». Красиво сверстали и... немедленно вынули из производства. Михаил Ильич пошел просить о выходе книги Сулова: «Почему запрещают книгу, когда фильм уже посмотрели 20 миллионов?» Главный идеолог партии ему объяснил: «20 миллионов посмотрели фильм и забыли, а книгу откроют и начнут думать».

Для многих, особенно молодых, сегодня Вторая мировая, развязанная Гитлером, нацистская партия, фашизм — примерно то же, что война с Наполеоном. Но фильм «Обыкновенный фашизм» сделан так, что и сегодня это один из лучших способов диалога с историей. Не случайно во многих странах его показывали в школах и университетах. В нем страстное желание понять, разобраться — что же случилось с человечеством. И почему оказалось так просто расчеловечить человека?

В финале авторы возвращаются к фотографиям, чудом сохранившимся в аду Освенцима-Бжезинки. Здесь был крематорий с пропускной способностью до пяти тысяч человек в сутки. И это помимо исправно работающих газовых камер. Авторы фильма показывают нам маленькие фотокарточки, которыми заклеены стены барака. Каждое лицо в трех ракурсах: фас, профиль, три четверти. Фото казненных узников Освенцима.

Профиль, три четверти, фас. Глаза очень крупно. Последний взгляд с печатью смерти. Они смотрят на нас. Просто не знаю, как выдержать этот взгляд.

Лариса Малюкова

ДЕМИСТИ-
ФИКАЦИЯ

